

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47).02

DOI 10.26456/vthistory/2023.1.124–130

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ ИЗ ВОЕННО-АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ОТРАЖЕНИИ ЛЕТОПИСЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ДО XI В.): ОСОБЕННОСТИ, ПАРАЛЛЕЛИ, АНАЛОГИИ ¹

А.С. Новиков

ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия

В статье поднимается проблема происхождения и развития предлагаемого русскими летописями и представленного преимущественно князьями образа мужчины из военно-аристократической среды. Военная аристократия в Средние века является своего рода отражением эпохи, поэтому анализ образа русского князя позволит рассмотреть некоторые внутренние особенности мировоззрения средневекового мужчины. Констатируется, что на исследуемом этапе своего развития мужской образ является универсальным, выходя за географические границы Руси и находя аналогии в иностранных свидетельствах, в частности, на территории Скандинавии и на Востоке, и демонстрирует живущего войной и тесно связанного с дружиной правителя-воина.

Ключевые слова: Древняя Русь, военная аристократия, гендерная история, мужчины, маскулинность.

Средневековые русские летописи представляют достаточно ценный источник в исследовании различных аспектов истории Древней Руси. Однако стоит отметить тот факт, что хронографическая запись событий политической истории, которую по структуре представляет собой летопись, не предусматривает детального рассмотрения существующих общественных отношений, особенностей повседневной жизни и гендерных аспектов. Данные летописей в вышеуказанных сферах достаточно «осколочны». Исходя из фрагментарных и разрозненных описаний, исследователь может изучить образ мужчины из сословия военной аристократии в различных ситуациях.

---

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ имени А.С. Пушкина» В.А. Веременко.

Для начала необходимо обозначить географические границы исследуемого региона. Здесь предлагается опираться на описанные академиком Б.А. Рыбаковым территории Киевской Руси в начале XI века: «... она простиралась от бассейна Вислы на западе до Камы и Печоры на востоке; от Черного моря (устье Днепра) до Белого моря и «Студеного» моря (Ледовитого океана)»². А для понимания специфики межкультурного взаимодействия обозначим и ближайших соседей – так, на северо-западе это Скандинавия и земли балтских племен, на северо-востоке и востоке – территории, заселенные коренным финно-угорским населением, на юго-востоке – постоянно сменяющие друг друга кочевники Великой Степи, на юге – крымские владения империи ромеев, на юго-западе и западе – земли, которые впоследствии образуют королевства Венгерское и Польское соответственно.

Основным методом в предложенной работе является историко-текстологический метод работы с летописями, прослеживающийся в трудах А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова³. Напрямую с предыдущим связан метод критического анализа источника. Выяснение того, кто является автором того или иного документа, а также основных особенностей эпохи, в которой он проживал, предлагает более полную и объективную картину трактовки полученной из источника информации. В контексте исследования значимую роль играет методология, предлагаемая теорией культурного трансфера французского исследователя М. Эспаня⁴. Используя эту методологию, предполагается выяснить автохтонность или универсальность мужских образов на территории различных культурных областей. В работе также используется гендерный подход. Поскольку объектом исследования является именно мужская часть русского военно-аристократического сословия XI–XIV веков, рассмотрение стереотипно-идеализированных воззрений современников на благороднорожденного мужчину и мужской гендерной репрезентации предполагается наиболее закономерным.

В российском научном историческом сообществе вопросы, связанные с различными аспектами жизни военной аристократии, в той или иной мере поднимаются еще с XVIII–XIX веков. Таким образом, можно выделить три этапа в развитии взглядов исследователей на военную аристократию Руси: дореволюционный, советский и современный.

Стоит отметить, что ранняя отечественная историография характеризуется значительной широтой тематического охвата, а потому на этом этапе речь о детальном рассмотрении узких тематик не идет. Поэтому имеются в виду труды, рассматривающие историю Древней и Средневековой Руси весьма обширно. Значительный вклад в изучение вопроса внес Н.М. Карам-

---

² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 403.

³ См.: Шахматов А.А. Обзорение русских Летописных Сводов XIV–XVI вв. М., Л., 1938.; Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV веков. СПб., 1996.

⁴ См.: Эспань М. История цивилизации как культурный трансфер. М., 2018.

зин, во втором томе «Истории государства Российского» затрагивавший вопросы развития средневековых княжеств Руси⁵, а также К.Н. Бестужев-Рюмин, который рассматривает, среди прочего, историю Руси с древнейших времен, подводя к оформлению и развитию отдельных княжеств и земель, в том числе и в контексте взаимоотношений с соседями – кочевниками, скандинавскими странами, Византией, государствами крестоносцев, а также Польшей и Венгрией⁶. Необходимо отметить и труд Д.И. Иловайского «История России», во второй части первого тома которого рассматривается история княжеств Руси и их взаимоотношения со степняками, Литвой и орденами крестоносцев⁷.

Среди исследований советского периода важно отметить работы Б.Д. Грекова, который анализирует взаимодействие Руси с Польшей, Чехией, Германией, Скандинавией и Прибалтикой⁸; В.Т. Пашуто, особое внимание уделяющего русско-польским отношениям и отмечающего геополитическую общность интересов княжеств Руси и Польского королевства⁹; И.П. Шаскольского, который рассматривает новгородско-шведские отношения в контексте борьбы за влияние над финскими землями и анализирует взаимодействие русских земель и северных крестоносцев и роль католической церкви в этом взаимодействии¹⁰. В этот же период тематика истории высшего сословия прорабатывается Б.А. Романовым, который раскрывает социальную историю и культурную жизнь населения домонгольской Руси¹¹, и В.В. Мавродиным, который анализирует высшее сословие в рамках марксистской классовой методологии¹². В сфере истории повседневности и гендерной истории немаловажно заострить внимание на работах Ю.Л. Бессмертного, который рассматривает различные особенности повседневности и гендерных отношений Средневековья¹³.

⁵ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2021.

⁶ См.: Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Том 1. СПб., 1872.

⁷ См.: Иловайский Д.И. История России: в 5 томах. Часть вторая. Владимирский период. М., 1880.

⁸ См.: Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. М., Л., 1942.; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., Л., 1944.

⁹ См.: Пашуто В.Т. Русско-польские взаимоотношения (с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968.

¹⁰ См.: Шаскольский И.П. Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. // Военно-исторический журнал. № 7. 1940.; Шаскольский И.П. Емь и Новгород в XI–XIII веках // Ученые записки ЛГУ. № 80. Сер. ист. наук. Вып. 10. 1941.; Шаскольский И.П. Сигтунский поход 1187 г. // Исторические записки. № 29. 1949.; Шаскольский И.П. Папская курия – главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси // Исторические записки. № 37. 1951.

¹¹ См.: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М., 2013.

¹² См.: Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. Л., 1945.

¹³ См.: Бессмертный Ю.Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. М., 1969.; Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991.; Бессмертный Ю.Л. «Пятнадцать радостей брака» и

Современный период становится прорывным в обсуждении вопросов, связанных с военной аристократией Средневековой Руси. В области трудов по истории изучаемого региона и международных его взаимодействий можно выделить, к примеру, работы Р.А. Соколова и А.А. Мещениной, уделяющих внимание как особенностям внутреннего развития русских земель Средневековья, так и контактам с мировой общественностью европейской ойкумены¹⁴. История высшего сословия также раскрывается достаточно подробно. Так, статья Л.В. Мининковой раскрывает эволюционные особенности дружинника Руси как самостоятельного явления¹⁵. В сфере современных гендерных исследований невозможно переоценить роль Н.Л. Пушкаревой – её труды стали прорывом в исследовании гендерной истории и феминологии, тем самым создав в России новое научное направление¹⁶. Однако именно тема мужчины и мужественности осталась непроработанной в историографии.

Таким образом, историография в рамках поднятой проблематики, с одной стороны, имеет весьма значительную степень проработки, с другой – демонстрирует пробелы, нуждающиеся в заполнении.

Летописи изобилуют описаниями различных русских князей, из которых представляется возможным составить предполагаемый образ древнерусского благороднорожденного мужчины и отследить некоторую эволюцию этого образа.

Первым (и последним относительно хронологических рамок данного исследования, не считая носящих частный характер описаний «женолюбивого» Владимира Святославича¹⁷) откровенно «положительным» описанием в летописях является фрагмент Ипатьевского списка «Повести временных лет», когда автор предлагает читателю образ князя Святослава Игоревича: «...хоробръ и легокъ, ходя акы пардусъ, воины многы творяше, возъ бо по себе не возяше, ни котла ни мясь варя, но по тонку изрезавъ конину, или зверину, или говядину на оугълехъ испекъ едяше; ни шатра имяше, но

другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. М., 1991.; *Бессмертный Ю.Л.* Рыцарское счастье – рыцарское несчастье: Западная Европа, XII–XIII вв. // В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени. М., 2003.

¹⁴ См.: *Соколов Р.А.* Русско-норвежские дипломатические контакты 50-х годов XIII в. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 2. 2010.; *Мещенина А.А., Соколов Р.А.* Несложившаяся хартия: русские земли в начале XIII века: князья-«Самовластцы» и вечевые «Вольности» // Вестник РХГА. № 2. 2016.

¹⁵ См.: *Мининкова Л.В.* Дружинник домонгольской Руси: общественный статус и эволюция // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. № 2. 2004.

¹⁶ См.: *Пушкарёва Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.; *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997.; *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2022.; *Пушкарёва Н.Л.* Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. СПб., 2017.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II: Ипатьевская летопись. Стб. 48–49.

подъкладъ постилаше, а седло въ головах, тако же и прочии вои ег вси бяху»¹⁸. Святослав снабжается определенными атрибутами: храбрый, простой в быту, постоянно находящийся в состоянии войны с кем-либо, а также всегда подающий личный пример своим воинам. Поскольку Русь на заре своей истории не являлась изолированным регионом, стоит предположить, что такого рода описание не является уникальным в мировом масштабе, а потому попробуем отследить аналогии в современных Святославу описаниях представителей военной аристократии на территории «скандинавского мира» Раннего Средневековья – в Скандинавии и англосаксонской Англии.

Подобные вышеобозначенным атрибуты выделяются в образе других представителей военной аристократии того же периода – так, «Сага о Харальде Серая Шкура», цитируемая Снорри Стурлусоном в своде «Круг земной», описывает одноименного конунга, современника князя Святослава, следующим образом: «... когда били стрелы в грудь и луки гнулись, знаю, как, железом звеня остролезым, утолял ты в поле голод волка, Харальд»¹⁹; «... Харальд конунг был человек простой и большой весельчак.»²⁰; «... Харальд был очень доблестным мужем»²¹. На протяжении всего повествования Сага описывает многочисленные военные конфликты Харальда Серая Шкура с самыми различными противниками, что дает нам набор характеристик скандинавского конунга, сходный с образом восточнославянского князя: воинственный, храбрый, простой и скромный в бытовых ситуациях.

Храбрость и воинственность прослеживается и в описании первого английского короля Этельстана, предлагаемом «Англосаксонской хроникой»: «... король Этельстан отправился в землю скоттов с флотом и войском и сильно ее разорил»; «... Этельстан державный, колющий, и брат его, наследник, Эадмунд, в битве добыли славу и честь»²².

Особое внимание людей Раннего Средневековья к воинственности в образах представителей аристократии может восходить к характерным архаичным сюжетам, связанным со сверхъестественными воинами и прослеживающимся не только в источниках Древней и Средневековой Руси, но и в более ранних и современных им эпических сказаниях Ближнего Востока, Великой Степи и даже Скандинавии.

Летописец Переяславля Суздальского дает описание, в значительной мере сходное с образами былинных богатырей. Так, в «Летописце» содержится сюжет с участием отрока Переяслава, в честь которого впоследствии будет назван город Переяславль-Русский: «Схватил он быка за бок и вырвал кожу с мясом и с ребрами. <...> И стал печенег крепко его давить, тот же схватил его за плечо и за шею, захватил и стиснул его, и начал держать, не сдавливая. Вскоре печенег задергал руками и издох в руке его, ибо не давал

¹⁸ Там же. Стб. 38–39.

¹⁹ Снорри Стурлусон. Сага о Харальде Серая Шкура // Круг Земной = Heimskringla. М., 1980. С. 88.

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Там же. С. 94.

²² Англосаксонская хроника. СПб., 2010. С. 88.

тот ему хотя бы раз вздохнуть. И, увидев его мертвым, ударил им о землю, и разошлось его нутро, и рассыпались кости»²³.

Сверхъестественная физическая сила как гипетрофированное отражение мужественности характерны для образов представителей военной аристократии, появившихся еще задолго до основания Древнерусского государства. Такого рода описания можно обнаружить еще в VII в. в иранском эпосе «Шахнаме»²⁴.

Современная иранскому эпосу англосаксонская эпическая поэма «Беовульф» предлагает сходную сюжеттику: «Неисцелимая в плече нечистого кровотокащая зияла язва – сустав разъялся, лопнули жилы; стяжал в сражении победу Беовульф, а Грендель бегством в нору болотную упасся, гибнущий»²⁵. Кроме главного героя, обладающего сверхъестественной силой, поэма демонстрирует целую галерею образов, сходных с более поздними древнерусскими и скандинавскими: «Первый – Скильд Скевинг, войсководитель, не раз отрывавший вражьи дружины от скамей бражных»²⁶; «... знатен был Беовульф, Скильдово семя, в датских владениях»²⁷; «Хродгар возвысился в битвах удачливый, без споров ему покорились сородичи, выросло войско из малой дружины в силу великую»²⁸; «Вождь гаутов, <...> стойкий в битве, статный под шлемом...»²⁹.

Таким образом, образ мужчины из сословия военной аристократии, проистекая из архаичных описаний сверхъестественных воинов, к началу XI века собирался из определенного набора атрибутов. Мужчина благородного происхождения на Руси не существует вне отрыва от военного дела, а потому практически перманентное нахождение в состоянии войны с кем-либо, личная храбрость и связь с «боевыми товарищами» – собственной дружиной – являются постоянными характеристиками мужского образа. Свидетельства скандинавских и англосаксонских источников, а также более ранних эпических сказаний подчеркивают широкую распространенность упомянутых атрибутов даже вне региона, затрагиваемого в настоящем исследовании, а потому представляется возможным вывести универсальный образ мужчины – представителя военной аристократии, разделяющего ценности воинской доблести и принадлежащего культурно-политическому феномену «скандинавского мира».

²³ Инков А.А. Летописец Переяславля Суздальского: предисловие, перевод, комментарий. М., 2016. С. 61–62.

²⁴ Фирдоуси. Шахнаме. Том третий. От сказания о битве Ростема с хаканом Чина до царствования Лохраспа. М., 1994. С. 44.

²⁵ Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 67–68.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Там же. С. 30.

²⁸ Там же. С. 32.

²⁹ Там же. С. 45.

Список литературы:

1. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука. 1982. – 590 с.

Об авторе:

НОВИКОВ Александр Сергеевич – аспирант, кафедра истории России, факультет истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Россия, 196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10), e-mail: kafmfistori@lengu.ru

THE IDEAL IMAGE OF A MAN FROM A MILITARY-ARISTOCRATIC ENVIRONMENT IN THE REFLECTION OF THE RUS FRONTIER PRINCIPALITIES' CHRONICLES IN XI – XIV CENTURIES: ORIGINS, PARALLELS, ANALOGIES

A.S. Novikov

Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
Saint-Petersburg, Russia

The article raises the problem of the origin and development of the image of the ideal man from the military-aristocratic environment, proposed by the Rus' chronicles and presented mainly by the dukes. The military aristocracy in the Middle Ages is a kind of mirror of the era, so the analysis of the ideal image of the Rus' duke will allow us to consider some of the internal features of the worldview of a medieval personality. It is stated that at the researched stage of its development, the ideal male image is universal, going beyond the geographical boundaries of Rus' and finding analogies in foreign testimonies, in particular, in Scandinavia and the East, and demonstrates a leader-warrior living in war and closely connected with the retinue. **Keywords:** *Medieval Rus', frontier principalities, gender history; men; masculinity; military aristocracy; courtesy.*

About the author:

NOVIKOV Alexander Sergeevich – Postgraduate Student, the Department of Russian history, Faculty of History and Social Sciences, Leningrad State University named after A.S. Pushkin (Russia, 196605, Saint-Petersburg, Petersburgskoye highway, 10), e-mail: kafmfistori@lengu.ru

References:

- Rybakov B.A., *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv.*, М., Наука, 1982. 590 с.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023 г.

Подписана в печать 07.04.2023 г.